

ЛАЙОН СПРЭГ КАМП

ЕДИНОРОГ ЭВДОРИКА

Зал славы SF & F

Лайон Спрэг де Камп
Единорог Эвдорика

«Остеон-Групп»
1949, 1972

Спрэг де Камп Л.

Единорог Эвдорика / Л. Спрэг де Камп — «Остеон-Групп» ,
1949, 1972 — (Зал славы SF & F)

ISBN 978-5-856890-61-7

Когда власть на Земле захватили суровые потомки землян, отправившихся осваивать планеты в системе Проксимы Центавра, они установили диктатуру строгого порядка и высокой морали, безжалостной рукой загоняя аборигенов в светлое будущее. Любое сопротивление жестоко подавлялось, но все же нашелся способ, как без единого выстрела одолеть тиранов, которые ввели на Земле сухой закон и запретили курить на улицах... Гениальный профессор создает препарат, резко повышающий умственные способности некоторых животных и в результате обзаводится необычным ассистентом – разумным медведем. Первое испытание препарата на людях профессор проводит на себе, но результат его разочаровывает – умнее он не стал (как он сам считает). Однако после череды невероятных событий с активным участием профессора его друзья приходят к выводу, что препарат все-таки сработал, но дал неожиданное последствие: профессор пьян, когда трезв, и трезв, когда пьян... Как поймать единорога для императорского зверинца, если в округе количество девственниц, без которых укрощение зверя невозможно, стремительно приближается к нулю? Сэр Эвдорик Дамбертсон не привык отступать перед трудностями, но теперь он просто обязан найти решение задачи, иначе его ждут весьма неприятные последствия...

ISBN 978-5-856890-61-7

© Спрэг де Камп Л., 1949, 1972

© «Остеон-Групп» , 1949, 1972

Содержание

Предисловие переводчика	7
Суровые вояки[1]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лайон Спрэг Де Камп Единорог Эвдорика

© А.Новиков. Перевод. 2020

Предисловие переводчика

В 1979 году вышли два первых тома антологии «The Great SF Stories» (Великие НФ рассказы), составленных Айзеком Азимовым. Идея серии состояла в том, чтобы собрать под одной обложкой произведения авторов, «которые изменили научную фантастику, подняв ее от дешевых боевиков на уровень литературы, заслужившей уважение будущих читателей и авторов». Хронологически серия охватывала «золотой век» американской фантастики, от ее поворотного 1939 года до 1960 года, уложившись в 22 тома (один том – один год).

Если представить, с какой тщательностью проводился отбор произведений для каждого тома, то по два рассказа Спрэга де Кампа, опубликованные в томах за 1939 и 1940 годы – факт многозначительный. Первые два рассказа (“The gnarly man” и “The blue giraffe”) переводил не я, поэтому они в эту книгу не попали. Третий рассказ был опубликован в антологии «Лучшие фэнтези рассказы года», и он наверняка доставит вам удовольствие, а заодно продемонстрирует ту легкость, с которой автор переключался с фантастики на фэнтези.

Лайон Спрэг де Камп (Lyon Sprague de Camp) прожил долгую и интересную жизнь (1907–2000). Я не стану пересказывать его биографию – любой желающий легко найдет ее в сети. Остановлюсь лишь на интересном факте, сильно повлиявшем на жизнь автора. Во время войны он был призван в армию и отправлен служить в научно-исследовательскую лабораторию ВМФ в Филадельфии. И так совпало, что на этой же верфи работали химиком Айзек Азимов (который был на 13 лет младше Спрэга) и к тому времени уже отставной офицер ВМФ Роберт Хайнлайн, ровесник Спрэга. Оба были начинающими писателями: у Хайнлайна в 1939 году был опубликован первый рассказ «Линия жизни», а у Азимова в том же 1939 году тоже первый рассказ «В плену у Весты». Спрэг де Камп, начав писать и публиковаться в 30-е годы, был к тому времени уже относительно опытным автором. Дружеские отношения связали эту троицу на всю жизнь.

Как писал Айзек Азимов в предисловии к «Экзальтированному»: «После Джона Кэмпбелла, Спрэг де Кемп был мои «отцом» в научной фантастике. Он первый из авторов принял меня как социально равного и пригласил к себе в дом, где я быстро и платонически влюбился в его прелестную жену. Во время войны мы вместе с Бобом Хайнлайном служили на верфях ВМФ в Филадельфии. За все это время его дружба оставалась столь же крепкой, и он всегда был добр и благожелателен. Я восхищался и любил все, что он когда-либо написал, причем его прозу даже меньшее, чем все остальное. Фактически мой стиль в том, что не было художественной литературой, начался как сознательная имитация его стиля».

Автор очень много путешествовал, изучал иностранные языки и говорил на нескольких из них, увлекался историей и написал книгу о великих городах прошлого и древней архитектуре. В предисловии в «Суровым воякам» Айзек Азимов заметил: «Поскольку Спрэг – мой старейший друг в фантастике, то не удивительно, что в некоторых случаях мне известно происхождение некоторых его рассказов. В научной фантастике Спрэг – лучший историк-любитель. Если он чего-то не знает, например, о древней инженерии или военном деле, то это неизвестно никому, кроме профессиональных специалистов в этой области.

Так случилось, что древняя Спарта была чрезвычайно жестким и ориентированным на войну обществом, в котором воины-аристократы придерживались аскетичного и честного образа жизни. Во времена персов и Пелопонесских войн они все же вышли из своих раковин и некоторые из их вождей заняли властные позиции. И с ними произошло в точности то же, что и с центаврианами в этом рассказе. Спрэг лишь пересказывает историю (это и мой любимый трюк)».

Что же касается «Экзальтированного», то это четвертый (и самый смешной) из серии рассказов о медведе Джонни Блэке – слишком умном на свою косматую голову.

Приятного чтения!

Андрей Новиков

Суровые вояки¹

Они были серьезны в те дни, молодые люди, что собирались в комнате профессора Тадеуша Лечона выпить крепкого чая и подбросить ему проблему для обсуждения. Между облегчением от того, что война закончилась, не нанеся вреда лично им, озабоченностью по поводу будущего и возмущением от перспективы чужеземного правления оставалось мало места для свойственного старшекурсникам многословия и тщеславия.

Что-то должно произойти, думали они.

– Чем бы это ни было, – сказал Тадеуш Лечон, – я уверен, что это никак нельзя называть трусостью.

Он наклонил большую лысую голову к чашке с чаем цвета старого ботинка, качнув позолоченными сергами, и шумно отхлебнул, глядя на Фредерику Мерриана.

Фред Мерриан, второкурсник с песочными волосами и беличими зубами, выглядел благодарным, но все еще дерзким. Он был в цивильном костюме. Болдуин Доулинг, мечта студенток, щеголял в новенькой форме американской армии. Столь новой она была по той причине, что к тому моменту, когда Доулинг добрался до своей части в Лос-Анжелесе, война уже закончилась, и ему велели возвращаться домой, бесплатно и любым транспортом. Он выбрал ближайший авиарейс на Филадельфию.

Лечон продолжил:

– Это, скорее, пример убежденности большинства думающих молодых людей в том, что проблемы человечества должны иметь решение. Если взять эти проблемы сами по себе, то нельзя доказать, что любая из них *не* имеет решения, то есть, примерно так, как Абель доказал, что решение уравнений пятой степени алгебраически невозможно. Поэтому эти молодые люди пробуют одну идею за другой; это могут быть адреналин, или анархокоммунизм, или неопаганизм. В вашем случае это непротивление. Возможно, хорошо, что они...

– Но... – не выдержал Фред Мерриан.

Лечон взмахом руки остановил рвущийся наружу поток аргументов.

– Мы уже прошли через все это раньше. Когда-нибудь вы потеряете интерес к правлению центавриан и присоединитесь к другому движению с такими же непрактичными идеалами. Наш центаврианин рыскает по университетскому городку. Он может заглянуть и к нам. Давайте-ка дадим Болдуину рассказать, что он про них узнал.

– Да, как они выглядят? – спросил Мерриан.

– Они очень похожи на людей, – сказал Болдуин Доулинг. – Только очень большие. Мне кажется, что исходная группа колонистов, что отправилась к Проксиме Центавра, состояла из людей очень высокого роста. Они ведут себя довольно забавно, как будто у каждого внутри стоит часовой механизм. С этими мужланами-бозо приятелями не станешь.

Артур Си улыбнулся идиотской улыбкой. Его полное имя было Си А-цзе, и он вовсе не был идиотом.

– Я проехал полмира, чтобы учиться там, где нет бозо. Выходит, я уехал недостаточно далеко.

– Ничего не слышали о том, что делается в Китае? – спросил Доулинг.

– Бозо по горло заняты, пытаясь сделать всех такими же эффективными и неподкупными, как они сами. Может быть, они и величайшие воины, но они не знают Китая. Отец пишет...

– Тсс-с-с! – прошипел Лечон с тревогой на широком раскрасневшемся лице. – Кажется, это наш центаврианин.

¹ L. Sprague De Camp. The Warrior Race. © 1940 by L. Sprague De Camp © перевод с английского А. Новикова, 1989–2020.

Наступила неуютная пауза; ни у кого не хватало духа продолжить разговор, хотя супермен и не вошел. Наконец Лечон продолжил:

– Все, с кем я говорил, считают, что эта война представлялась совершенно невозможной. Но если вы вспомните историю, джентльмены, то увидите, что ничто уже не ново. В 1241 году венграми и в голову не могло прийти, что у монголов есть дивизионная структура армии и система сигнализации. Поэтому венгров разбили. Наше правительство и думать не думало, что у центавриан есть окислительный луч и самолеты с шестидюймовыми пушками. Поэтому они разбили нас. Вы поняли мою мысль. Звуки всегда отличаются, но ноты остаются очень похожими.

Он вновь смолк и прислушался. Послышались приближающиеся тяжелые шаги. Кто-то постучал. Профессор истории отозвался, и в комнату вошел центаврианин.

– Мое имя Джаггинс, – произнес он металлическим голосом.

У тридцатилетнего на вид центаврианина были выступающая челюсть, высокие скулы и оттопыренные уши. На нем была непривычная сливового цвета форма центавриан – потомков тех твердых духом землян, что колонизировали планету возле Проксимы Центавра, выдержали в течение трех поколений битву с враждебной природой и еще более враждебными туземцами, и, в конце концов, нахлынули обратно на Землю добрых пятьдесят лет назад. Захватчики отдали всю Австралию, и их наука превратила этот второй из бесполезных континентов в самый продуктивный район мира. Трудное пребывание на другой планете сделало их в чем-то более, а в чем-то менее людьми. Теперь они правили всей Землей.

– Привет, мистер Джагг… – начал Доулинг. Центаврианин прервал его:

– Не говорите «мистер», когда разговариваете с центаврианином. Меня зовут Джаггинс.

– Вы не присядете? – пригласил Лечон.

– Сяду.

Бозо поджал длинные ноги и уселся, ожидая, пока кто-нибудь заговорит.

Наконец Доулинг спросил:

– Как вам понравился Филли?

– Вы имеете в виду Филадельфию?

– Да, конечно.

– Тогда, будьте добры, так и говорите. Мне город совсем не понравился. Он грязный, коррумпированный и неэффективный. Но мы все устроим. Вам будет лучше, если вы станете с нами сотрудничать. Мы дадим вам гораздо более здоровую жизнь, чем у вас когда-либо была.

Он договорил с некоторым затруднением, словно произнесение более одной фразы подряд его смущало.

Даже Доулинг, который, хотя и был местным жителем, не отягощал себя избытком гордости за родной город, был шокирован такой прямотой.

– Да, вижу, вы не привыкли ходить вокруг да около, – пробормотал он.

– Думаю, я понял смысл вашего жаргонного выражения. Мы приучены говорить правду.

После такой фразы у всех возникло чувство, будто говорить правду – самое неприглядное занятие.

– Надеюсь, – вступил в разговор Си, – вы сделаете что-нибудь с водопроводом. Сегодня утром, когда я открыл кран, то, прежде чем пошла вода, я получил живого угря, резиновую прокладку двенадцатого размера и кубометр хлора.

Бозо вперил в него ледяной взгляд.

– Молодой человек, это беспардонное преувеличение. Такой кусок резины не может пройти через водопроводную трубу.

– Он не говорил этого всерьез, – беспомощно отозвался Лечон, заговорив из-за эмоционального напряжения с польским акцентом.

Джаггинс перевел взгляд.

– Я понял. Это то, что вы называете шуткой, верно? Очень смешно.

– Не хотите ли сигарету? – предложил Доулинг.

– Мы не употребляем это отвратительное растение. Это вредно для здоровья.

– Тогда, может быть, чаю? – вздохнул Лечон.

– Гм-м. Это *може* наркотик.

– Ну, Джаггинс, я бы этого не сказал. В чае есть кофеин, то есть стимулятор, но ведь и многие продукты содержат что-либо подобное.

– Хорошо, только очень слабый. И без сахара.

Си налил заварки и добавил в чашку кипятка. Бозо с подозрительным выражением помешал чай.

– Мне хочется, – сказал он, обратившись к собравшимся, – чтобы и вы, и все в университете, относились ко мне, как к своего рода отцу. Нет смысла проявлять враждебность, потому что вы не в состоянии изменить ситуацию. Если вы станете сотрудничать… О, черт!

Он уставился на ложку, выпучив глаза. Нижняя часть ложки расплавилась и растеклась на дне лужицей металла.

– Вы слишком сильно мешали, – пояснил Си.

– Я… – начал Джаггинс. Он по очереди посмотрел на каждого из них. Затем осторожно поставил чашку, положил уцелевшую половинку ложки на блюдце, встал и вышел.

Лечон вытер раскрасневшееся лицо.

– Это ужасно, Артур! Ты не должен был над ним подшучивать. А если бы он всех нас пристрелил?

Си перестал сдерживаться и захихикал.

– Может быть. Но у меня оказалась с собой эта ложка из легкоплавкого сплава, и я не смог удержаться.

– А он настоящий? В смысле, человек? – спросил Мерриан.

– Да, – ответил Доулинг. – Многие гадают, не роботы ли они, или что-то в этом роде. Но это обычные люди, и рождаются они, как и мы, и все остальное у них то же самое. Это просто новая порода людей.

– Нет, – возразил Лечон. – Читайте историю, джентльмены. Это раса воинов. Самый свежий пример того, что можно сделать из человека интенсивной тренировкой и дисциплиной. В свое время этим занимались спартанцы и османские турки. Наш центаврианин больше похож на спартанца, чем на турецкого янычара. Ликург сразу признал бы в нашем папе Джаггинсе настоящего спартанца…

Он говорил и говорил. Троє старшекурсников слушали его вполуха. Мерриана охватили душевые сомнения. Является ли насилие злом, если его применить к подобным существам?

Доулинг и Си, не являясь интроспективными идеалистами, размышляли над планами на будущее. Доулинг полагал, что в Филадельфии сохранится местная политическая жизнь, и он сможет включиться в нее после окончания учебы, и чихать ему на всех бозо. Должны же быть какие-то посредники между суперменами и простыми смертными.

Си думал о теплом mestечке в «Китайско-американской транспортной компании», которое отец обещал ему устроить после окончания колледжа. Если он упорным трудом и с помощью семейного положения сумеет пролезть в ее директорат, то сможет провернуть кое-какие грандиозные планы, которые у него уже созрели… Конечно, останутся вездесущие, и, как утверждают, неподкупные бозо. Но их неподкупность была, по его мнению, лишь провозглашенной.

* * *

Съезды выпускников, подобно свадьбам и похоронам, собирают множество людей, которые обычно при встрече не перейдут улицу, чтобы поговорить. Поэтому, когда после окончания всех формальностей выпускники 2009 года разошлись, Си, Доулинг и Мерриан отправились в ресторан сравнить биографии.

Болдуин Доулинг немного пополнел, но сохранил выющиеся темные волосы и ослепительную улыбку. У него были жена и ребенок. Артур Си почти не изменился, зато женился и завел шестерых детей. Фред Мерриан утратил большую часть песочных волос, получив в обмен двух жен, два развода и лихорадочный взгляд.

Си только что вернулся из поездки в Австралию и был полон впечатлений.

– Чудесное место. Все работает, как часы. Никаких чаевых, никаких взяток. И, кстати, никакого веселья. Каждый бозо – солдат, даже лифтеры и продавцы корма для собак.

На лице Фреда Мерриана проявилось признаки нарастающего потока аргументированных возражений.

– Ты что, хочешь сказать, что одобряешь их? – процедил он.

Си посмотрел на него с недоуменным возмущением.

– Я этого не говорил, Фред. Но нам же надо иметь с ними дело. «Китайско-американская транспортная компания» – это огромная организация, с филиалами по всему Тихоокеанскому региону: отели и авиалинии, китовые пастбища и еще много чего. Так что нам надо с ними ладить. Чем ты занимался последние десять лет?

Мерриан нахмурился.

– Попытался стать профессиональным писателем. Но я не захотел писать ту халтуру, что покупают дешевые журнальчики, так что...

Он пожал плечами.

– А ты, Болдуин? Я слышал, ты, кажется, занялся политикой?

– Да, – подтвердил Доулинг. – Можно сказать и так. Я официальный посредник города Филадельфия. Когда кто-то из моих... э – э... подопечных попадает в неприятность, связанную с бозо, я пытаюсь его из нее вытянуть.

– Выглядишь ты процветающе, – заметил Си.

– Кое-чего достиг, – с легким тщеславием улыбнулся Доулинг. – Стал кем-то вроде народного трибуна, как объяснил профессор Лечон.

– Лечон? – удивился Си. – Он все еще здесь?

– Ага. Продолжает ковыряться в брачных отношениях древних парфян. – Доулинг заметил выражение лица Мерриана и сказал: – Фред, без сомнения, считает меня ренегатом. Но, как ты сказал, бозо здесь, и мы должны с ними ладить. Кстати, я встретил человека, который тебя знает. Это Кэсс Янг. Он сказал, что твои китайские методы вести дела почти свели его с ума.

– А что же ему не понравилось?

– Всего лишь то, что ты никогда не говоришь того, о чем думаешь, и что тебе сильно не нравится, когда насчет этого возражают. И еще... э – э... сухость восточной ладони, так он это называл. Да, помнишь бозо Джаггинса? Первого администратора Пенсильванского университета? Он все еще здесь и теперь администратор целого района метрополии.

– Да неужели? – спросил Си. – Кстати, мистер Янг не говорил тебе, ради чего встречался со мной?

– Нет.

– В таком случае мне хотелось бы с тобой переговорить.

Си вопросительно взглянул на Фреда. Мерриан бросил взгляд на часы и неохотно вышел.

— Очень жаль, — сказал Доулинг. — Он самый достойный и прямой парень из всех, кого я знаю. Но совершенно непрактичный. — Он понизил голос. — Готов поклясться, что он замешан в каком-нибудь антибозовском движении.

— Это может объяснить его взгляд, совсем как у голодного волка, — сказал Си. — А ты знаешь о таких движениях?

— Я знаю многое такое, о чем знать не должен. Но что за дельце у тебя на уме?

— Я ничего не говорил ни о каком дельце.

Си выдержал паузу, чтобы хихикнуть.

— Вижу, что тебя не проведешь, Болдуин. Ты знаешь о проекте Морхауза?

— Плане унификации почтовых трубопроводов? Да.

— Так вот, как ты наверняка знаешь, «Китайско-американская» контролирует линию Филадельфия — Балтимор. А без этого участка, само собой, не могут быть модифицированы линии от Бостона до Майами. Но мы не хотим продавать наш пакет акций просто за так.

— И что?

— Если можно будет организовать обмен акциями — а некоторые мои хорошие друзья уже владеют сорока пятью процентами в новой компании «Бостон — Майами», — то это даст нам сильный голос при обсуждении операций будущей компании.

— Другими словами, контроль большинства?

— Я бы не стал этого так называть. Просто сильный голос.

Доулинг улыбнулся.

— Только не пытайся пудрить мне мозги и отрицать, что твои «хорошие друзья» — не подставные лица «Китайско-американской». Какой процент акций тебе нужен? Шесть?

— Семь с хвостиком было бы лучше.

— Я тебя понял. Но ты знаешь, как мы здесь ведем дела. Бозо наложили лапы буквально на все. Если ты чего-то добьешься, они отбирают это себе. Если вылетишь в трубу — что ж, значит, тебе не повезло. Словом, все недостатки социализма без его преимуществ. А если захочешь умаслить кого-то из них, это означает буквально рисковать жизнью. И все же я, в принципе, мог бы справиться с Джаггинсом.

Си хихикнул.

— Выходит, они здесь до сих пор неподкупны? И много ли вы получили от обещанной «более здоровой жизни»?

— Ну, — неуверенно произнес Доулинг, — кое-какие завалы они расчистили.

— Может, у вас теперь новый водопровод?

— Нет, но они говорили, что...

Бамм-м! Ночное небо где-то вдалеке разорвала желтая вспышка. Тут же раздалось еще несколько взрывов подряд. Зазвенело битое стекло. Си и Доулинг вцепились руками в стол.

— Идиоты! — процедил Доулинг.

— Что, революция? — осведомился Си.

— Это они так считают.

Стала слышна отдаленная перестрелка.

В дверях выросли двое в форме со свирепыми лицами.

— Ищёйки, — процедил Доулинг.

Ему не нужно было описывать Си эти отряды специальной полиции, список достоинств которых ограничивался храбростью и лояльностью к своим хозяевам, воинственным пришельцам.

Оставалось только сидеть и слушать. Когда шум в ресторане затих, Доулинг подошел к одному из патрульных и негромко с ним заговорил.

— Я вас не сразу узнал, мистер Доулинг, — отозвался тот. — Думаю, вы уже можете идти домой вместе со своим другом.

Когда приятели покидали ресторан, Си ощутил на себе враждебные взгляды остальных. Очнувшись на улице, Доулинг криво улыбнулся:

– Никто не любит особые привилегии, за исключением тех, кто ими обладает. Пошли пешком.

– Но у тебя же машина… – застонал Си, совершенно неспортивная личность.

– Оставлю ее здесь. Если мы попытаемся на ней поехать, то ищейки сначала будут стрелять, а уж потом задавать вопросы. Так что когда увидим кого-нибудь, то поднимем руки и медленно пойдем вперед.

Небо на северо-востоке стало красным. Окислительные лучи подожгли много домов в северных кварталах города.

* * *

Си и Доулинг провели весь следующий день в доме Доулинга. Эдна Доулинг попыталась расспросить Си о древнем китайском искусстве. Артур Си глупо улыбнулся и развел руками.

– Но, миссис Доулинг, я ничего не знаю об искусстве. Я бизнесмен!

На следующее утро вышла запоздалая газета. В ней сообщалось о восстаниях, их подавлении, в Филадельфии, Нью-Йорке, Детройте, Сент-Луисе…

* * *

Болдуин Доулинг вошел в кабинет Джаггинса. Центаврианин почти не изменился за прошедшее время, только волосы тронула седина.

– Привет, Джаггинс, – сказал Доулинг.

Потом он принюхался. И еще раз принюхался. В кабинете ясно чувствовался запах табачного дыма.

Доулинг неодобрительно взглянул на Джаггина. Тот ответил ему сначала спокойным, потом раздраженным взглядом.

– В чем дело? – рявкнул он.

Доулинг слегка улыбнулся.

– Не волнуйтесь, Джаггинс. Я не…

– Займитесь лучше тем, что вас касается!

– Что вы так разволнивались? Я ничего особенного не сказал. К тому же я как раз намерен приступить к делу. Для этого я и пришел.

Он рассказал ему о сделке по обмену акциями, которую предложил Си, дав ей самую благоприятную интерпретацию. Однако Джаггина оказалось трудно одурачить. Тот посидел, задумчиво разглядывая орнаментированную подставку для ручек, подчеркивающую спартанскую простоту его кабинета.

– Может быть, ваш план и хорош, – сказал он, – но если о нем узнает мое начальство, оно может посмотреть на него несколько… неодобрительно. – Молчание. – Я пытаюсь быть честным. Разве я не был всегда честным с филадельфийцами?

– Конечно, Джаггинс. И теперь настало время выразить вам нашу благодарность, как вы считаете?

– Нас, центавриан, не могут поколебать материальные соблазны.

– Конечно. Вы полностью неподкупны. Но я буду счастлив, если смогу выразить вам признательность. Знаете, ведь я не один из ваших самоотверженных суперменов.

– Что вы имеете в виду?

Доулинг сказал. Джаггинс глубоко вдохнул, сжал губы и угрюмо кивнул. Его взгляд не отрывался от подставки.

— Кстати, — сказал Доулинг, — теперь, когда это дело решено, вы можете оказать мне еще одну маленькую услугу. Я полагаю, что один из тех, кто был захвачен после недавнего восстания — мой однокурсник Фредерик Мерриан.

— Ну, и что?

— Что центавриане намерены сделать с бунтовщиками?

— Зачинщики будут расстреляны, остальные ослеплены. Не думаю, что ваш Мерриан был зачинщиком. Я вспомнил бы его имя, будь это так.

— Ради нашей старой дружбы, не могли бы вы что-нибудь сделать для Мерриана?

— Он что, ваш близкий друг?

Джаггинс резко взглянул на Доулинга.

— Нет. С тех пор, как мы кончили колледж, я лишь несколько раз его случайно встречал. Он неглупый парень, но склонен к глупым поступкам.

— Не представляю, что я могу сделать. Не могу же я его отпустить.

— Этого и не требуется. Выпишите ему свидетельство о смерти. Укажите, что он умер от естественной причины. Затем замените его на одного из заключенных тюремной фермы в Ланкастере. Они там все равно непрерывно умирают.

— Посмотрим.

* * *

Когда Артур Си сел в машину Доулинга, улыбка на лице друга ответила транспортному директору на незаданный вопрос.

— Я предложил ему сто тысяч, и он взял их без звука.

Си присвистнул.

— Я был уполномочен заплатить в десять раз больше! Наш бозо еще не знает своей истинной цены.

— Может, это первая настоящая взятка, которую он взял.

— В самом деле? Ну что ж, мы не станем ему объяснять, сколько он смог бы заиметь, верно? Он и сам узнает это достаточно скоро.

* * *

Фред Мерриан приковылял в комнату с видом побежденного человека, но немного обрадовался при виде Доулинга, Си и доктора Лечона.

Он уселся, потом с удивлением огляделся.

— А почему вышел охранник? Обычно они этого не делают.

Доулинг усмехнулся.

— Он не должен услышать то, что мы тебе скажем.

Он объяснил план перевода Мерриана под другим именем на ферму в Ланкастере.

— Тогда… выходит, я сохраню глаза? О…

— Ну, ну, держись, Фред.

Они успокоили потрясенного писателя.

— Я до сих пор не могу понять, почему восстание провалилось, — сказал он. — Вы даже представить не можете, насколько мы были осторожны. Мы продумали буквально все.

— Мне кажется, — сказал Доулинг, — что вы не уяснили одного. До тех пор, пока у бозо будут большие и хорошо вооруженные отряды ищек…

Он пожал плечами.

— Хочешь сказать, это безнадежно?

— Ага. Зная тебя, Фред, я понимаю, что тебе будет трудно смириться с этой мыслью.

– Я никогда с этим не смирюсь. Должно же быть что-то…

– Боюсь, что нет.

– А я не настолько в этом уверен, – возразил Лечон. – Конечно, не вооруженное восстание. При наличии сложного современного оружия гражданские мало что могут сделать. Это примерно то же, что пытаться остановить… скажем, циркулярную пилу голыми руками. Но есть и другие возможности.

– Какие? – одновременно спросили все трое молодых людей.

– Читайте историю, джентльмены. Читайте историю.

И это было всё, что они смогли из него вытянуть.

* * *

– Я не волнуюсь, – сказал Джаггинс. – Мы можем доверять друг другу.

Он откинулся на спинку кресла и затянулся сигарой. Потом немного покашлял и сказал:

– Проклятье, вечно забываю, что этот дым нельзя вдыхать.

Он уже приобрел модную в Америке привычку носить мужские серьги.

Доулинг улыбнулся.

– Вы хотите сказать, что мы должны это сделать?

– Можете сказать и так, да. Что у вас на этот раз за предложение?

Артур Си стал объяснять:

– Вы знаете о том проекте в Атлантик-Сити, который предложила «Китайско-американская»? Наши подрядчики уже готовы начать работу.

– Знаю.

– Против него, во-первых, возражает «Общество по охране древних монументов». Они говорят, что если мы начнем модернизацию Атлантик-Сити, то разрушим город. Говорят, что отель «Треймор» стоит уже триста лет, и будет кощунством его сносить.

Джаггинс помахал сигарой.

– Я могу пристрелить парочку крикунов из этого «Общества». Тогда остальные заткнутся.

– Нет-нет, – возразил шокированный Си. – Это только вызовет неприятности. Люди станут бойкотировать проект.

– Ну, и что же вы мне предлагаете сделать?

– Если бы мы могли передвинуть некоторые старые развалины за счет правительства…

– Гм-м, это будет стоить денег.

– А если моя компания найдет способ взять на себя часть расходов?

Джаггинс продолжал хмуриться.

– Это должен будет одобрить мой начальник, центаврианин Мак-Уиртл. По-моему, он меня в чем-то подозревает.

– А Мак-Уиртл женат? – вмешался Доулинг.

– Да, но его жена в Австралии. И что с того?

– Просто ко мне пришла идея. Продолжай, Артур.

– Тут возникает вопрос финансирования совместной компании, – заговорил Си. – Мы думаем, что можно выпустить часть акций обычных, и часть некумулятивных привилегированных. «Китайско-американская» сможет купить большую часть обычных. Вы и Мак-Уиртл тоже получите возможность купить их прежде, чем они попадут на рынок.

Джаггинс снова нахмурился.

– Кажется, я припоминаю, что есть какой-то закон против некумулятивных привилегированных. Хотя не знаю, почему он существует.

Си объяснил:

— Они не будут называться некумулятивными. Придумаем какое-нибудь другое название, но суть останется той же. Вы продаете большую часть некумулятивных всем желающим и держите в руках все обычные. Затем проходят годы, и вы говорите держателям привилегированных акций: дела очень плохие, не можем выплатить совсем никаких дивидендов, как на обычные акции, так и на привилегированные. Затем в следующем году вы говорите, что дела пошли лучше. Вы платите владельцам привилегированных их обычные семь процентов — только за этот год. Себе же вы платите обычные дивиденды, который вам полагается, плюс дивиденды по обычным акциям, которые не были выплачены в прошлом году, плюс семь процентов дивидендов по привилегированных акциям, что не были заплачены в прошлом году. Это здорово.

— Понял, — сказал Джаггинс. — Теперь я понял, почему есть такой закон. Как я предполагаю, подобные действия необходимы при современном состоянии финансов.

— О, абсолютно необходимы, — сказал Доулинг.

— Я стараюсь говорить откровенно, — сказал Джаггинс. — Некоторые из моих коллег центавриан чрезмерно старомодны. Думаю, они принесут больше вреда, чем пользы.

— Разумеется, — сказал Доулинг. — Как вы считаете, сможем ли мы встретиться с Мак-Уиртлом? Конечно, в неофициальной обстановке?

* * *

Доулинг набрал номер на наручном телефоне.

— Элен? Это Болдуин... Да, тот самый старый политикан. Не занята в следующие выходные? Нет-нет. Просто вечеринка... в Нью-Йорке. У меня есть для тебя бозо, можешь повернуть перед ним своим алебастровым торсом... Да, очень большая шишка... все должно быть шито-крыто, поняла? Нет-нет, только не я! Я же тебе говорил, что очень доволен своей женщиной. Дело в том, что я ее люблю. А тебе я предлагаю дело. Хорошо. Увидимся в субботу.

* * *

Центаврианин Мак-Уиртл оказался уменьшенной и более пожилой копией Джаггинса. Хотя в его поведении еще во многом сохранялась та прерывистость движений, что характерна для чистокровного бозо, было очевидно, что он напряжен.

— Садитесь, — гаркнул он.

Доулинг сел.

Мак-Уиртл подался вперед.

— Я понял так, что вы — и тот китаец Си — хотите, чтобы я приобрел часть обычных акций «Компании по переустройству Атлантик-Сити» по ценам ниже тех, по которым они будут предложены всем желающим.

К этому моменту Мак-Уиртл достаточно успокоился и стал расспрашивать о деталях. Доулинг пояснил.

Мак-Уиртл сосредоточенно уставился на свои ногти, потом еле слышно произнес:

— Я мог бы применить силу, но тогда она стала бы меня ненавидеть... — Тут он осознал, что Доулинг его слышит и заорал: — Убирайтесь! Я не желаю, чтобы за мной шпионили...

Доулинг, встревоженный, но не павший духом, встал, собираясь уйти.

— Сядьте на место, дуралей! Я не говорил этого всерьез. Должен признаться, что мне потребуются деньги. Вы говорили, что...

* * *

Доулинг шел от отеля, в котором он встречался с Мак-Уиртлом, в сторону вокзала. Был уже пятый час утра, то единственное время, когда улицы Нью-Йорка почти пустынны. Мак-Уиртл проявил способность торговаться, непостижимую по сравнению с финансовой наивностью, которой следовало ожидать от настоящего бозо.

На 35-й Западной улице он приблизился к группе людей. Подойдя ближе, он узнал форму национальной полиции. Один из полисменов заметил его, выхватил пистолет и выстрелил. Доулинг нырнул за каменные ступени ближайшего подъезда.

– Вы что там, рехнулись к чертям собачьим? – заорал он из укрытия.

Из темноты донеслось какое-то бормотание. Затем низкий голос громко объявил:

– В первое же открытое окно полетит пуля. Эй, вы, все по постелям!

Следом появился и обладатель голоса, волоча на себе огромное бесчувственное тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.